

РЕЦЕНЗИИ

Studia Caucasologica. I: Proceedings of the Third Caucasian Colloquium. Oslo, July 1986/Ed. by Thordarson F. 321 p.; 11: Yogh H. Linguistique caucasienne et armenienne/Ed. by Hovdhaugen E. and Thordarson F. 536 p. Oslo: Norwegian University Press, 1988.

70—80-е годы были отмечены значительно возросшим интересом зарубежной лингвистической науки к кавказскому языкознанию. На смену старшему поколению западных кавказоведов (Г. Дестерс, Р. Лафон, Г. Фогт, Ж. Дюмезиль и др.) пришло немало молодых авторов, уже зарекомендовавших себя как журнальными публикациями, так и крупными монографиями. Резко расширилась и география соответствующих научных центров. В настоящее время кавказские языки изучаются не только в Европе и Северной Америке, но и в таких странах, как КНР и Япония. Очередной иллюстрацией такого положения вещей может служить и недавнее норвежское двухтомное издание — *Studia Caucasologica*, появившееся в серии трудов Института сравнительных исследований человеческого культур в университете Осло.

В первом томе рецензируемого издания содержатся материалы III Международного кавказоведческого коллоквиума, состоявшегося в июне—июле 1986 г. в Осло. В нем опубликованы тексты 15 докладов ученых из Норвегии, Швеции, ФРГ, Голландии, Бельгии, Великобритании, Швейцарии, Польши и США. Характерно, что лингвистическое кавказоведение предстает здесь в качестве дисциплины, выходящей за пределы изучения автохтонных языков Кавказа и предполагающей широкий фронт сравнительно-исторических, типологических и ареальных (прежде всего с выходами в арменистику и осетиноведение) работ. Будучи в своей основе лингвистическим трудом, этот том включает и две публикации нелингвистического характера. Наиболее велик в сборнике удельный вес картвельского языкознания, вопросы которого так или иначе трактуются в восьми статьях.

На фоне до сих пор дающей о себе знать явно недостаточной изученности лазского языка и лазской культурной традиции

весьма ценны по своему материалу, собранному в пределах турецкого Лазистана, две работы В. Фейрштейна. В одной из них, проанализировав топонимику центральной полосы расселения лазов (между Архавом и Вицэ), автор приходит к интересному выводу об историческом факте миграции лазов в грекоязычную до того область северо-восточной Анатолии. В другой он усматривает некоторые параллели мифологического образу «лесного человека» лазских сказочных текстов в других картвельских традициях. М. ван Эйсброк обсуждает этимологию термина грузинской христианской традиции *bzoba*— «вербное воскресенье». А. Харрис формулирует положение об исторической идентичности суф. *-enll-n* непременных словоформ грузинского глагола с суф. *-en* группы сванских непременных глаголов в его диалектных разновидностях. А.Д.Холиски и Н. Кахадзе принимают семантическое описание грузинских глаголов «говорения», имеющих дескриптивную природу. В статье К. Вамлинг рассмотрены основные закономерности объектного согласования в современном грузинском языке. Обширное исследование Й. Гшшперта, посвященное неоднократно дискутировавшейся в прошлом проблеме древнегрузинских названий месяцев, имеет преимущественно этимологический характер, в какой-то мере приближаясь по своему жанру к направлению исследований по армяно-грузинской филологии, явно неудовлетворительно представленному в современном кавказоведении. Наконец, Я. Браун продолжает в небольшой заметке свои многолетние усилия по обоснованию эвскар-кавказской гипотезы, усматривая в структуре примерно двадцати баскских субстантивов следы архаичного постпозитивного артикля.

Три работы в сборнике построены на материале северокавказских языков.

В одной из них В. Берле, исходя из сопоставления различных моделей вокалических чередований в 379 простых чеченских глаголов, распределяет последние между двумя типами спряжения, обособляя при этом также класс неправильных глаголов. В другой В. Шульце констатирует некоторое соответствие между принадлежностью имени существительного к определенному лексическому классу и его падежной формой в составе эргативного предложения в нахско-дагестанских языках. В третьей Р. Смите выявляет на базе имеющегося текстового материала специфические черты адыгской речи убыхов, квалифицируя ее в качестве особого диалекта адыгейского языка.

Две статьи первого тома тяготеют к сфере кавказских ареальных исследований. Рассматривая терминологию овцеводства, Д. Рейфилл приходит к выводу о скудности (особенно бросающейся в глаза при сопоставлении с картиной, наблюдаемой в остальных зонах Евразии) общего материала, так или иначе связывающего в этом отношении автохтонные и неавтохтонные языки Кавказа. М. Иоб показывает обычную производность перформативных (регулятивных) глаголов в языках региона, подчеркивая при этом значительную роль в их формировании элементов контактного происхождения.

В единственной индоевропейской статье сборника, посвященной доистории арм. *ե* и *օ*, принадлежащей Э. Равнесу, автор вносит свой вклад в установление относительной хронологии фонетических процессов, происходивших в преармянском состоянии. Краткий обзор наиболее информативных арабских источников по истории Кавказа предпринимает Э. Шиманский.

В целом сборник довольно четко отражает общий облик современного зарубежного кавказоведения. Коротко охарактеризованное выше его содержание свидетельствует о том, что в поле зрения наших зарубежных коллег обычно находятся достаточно актуальные проблемы науки. По-прежнему наиболее популярным объектом их внимания оказывается картвельское языкознание. Если в сфере последнего здесь более или менее равномерно представлены как синхронный, так и диахронический аспекты исследования, то в области северокавказских языков заметно преобладает синхронный. С удовлетворением следует отметить нетривиальность постановки ряда рассматриваемых вопросов. Иногда анализ языкового материала выполняется с точки зрения какой-либо из разработанных в недавнее время методических концепций. Очевидно неплохое знакомство участников труда с исследованиями,

опубликованными на русском и грузинском языках. Наконец, по-видимому, в соответствии с замыслом издателя сборника Фр. Тордарсона включенные в него статьи отражают круг кавказоведческих интересов скончавшегося в 1980 г. выдающегося норвежского лингвиста Г. Фогта.

Как известно, труды с широко варьирующим в тематическом и языковом отношении содержанием нелегко поддаются сколько-нибудь обобщенной критической оценке. Отметим тем не менее, что относительно более уязвимой стороной публикуемых в сборнике работ рецензенту представляется их этимологический компонент. Восприятие языкового материала бывает иногда затруднено неунифицированностью используемых транскрипционных систем. Наибольшее число неточностей и опечаток налицо в библиографическом аппарате отдельных статей.

Второй том *Studia Caucasologica* представляет собой воспроизведение совокупности кавказоведческих и арменистических статей (а также одной осетиноведческой), публиковавшихся Г. Фогтом в различных зарубежных и советских изданиях на протяжении немногим менее полувека (1930—1975 гг.). Очевидное достоинство подобных собраний заключается в том, что они делают обозримыми различные направления творческих исканий ученого, а также эволюцию его взглядов во времени. Сборник создает отчетливое представление о широте кавказоведческих интересов автора, иллюстрируемой здесь его работами по современному грузинскому и древнегрузинскому языкам, служившим в определенной мере дополнениями к принадлежащим ему грузинским грамматикам (ср. [1] и [2]), по картвельской этимологии и топонимике, проблематике внутреннего и внешнего родства кавказских языков, ареальному взаимодействию языков Кавказа, а также по арменистике и осетиноведению.

Читателю нетрудно убедиться в том, что помеченные здесь труды Г. Фогта, ученика известного отечественного филолога прошлого И. В. Абуладзе, а в дальнейшем — почетного доктора тбилисского университета, свидетельствуют как о тесном идейном контакте ученого с советской кавказоведческой традицией, так и о его видной роли в деле популяризации последней в западной науке.

Анализ высказываний ученого в хронологическом порядке демонстрирует, как с течением времени все сдержаннее становилось его отношение к гипотезе о генетической связи между картвельскими, абхазско-адыгскими и нахско-дагестан-

скими языками. Так, если в более ранних работах он по существу признавал их родство, то в последующих он квалифицировал соответствующее мнение не более как «естественное предположение» (ср. с. 163—166, 327—330, 503).

Вполне закономерно вместе с тем, что материалы сборника дают все основания считать Г. Фогта одним из немногих исследователей, глубоко осознавших актуальность изучения ареальных взаимоотношений автохтонных и неавтохтонных языков Кавказа. В частности, критически оценивая гипертрофированную генетическую ориентацию работ одного из направлений современного кавказоведения, в своей известной статье 1971 г. он писал следующее: «...представляется, однако, что упорный поиск общего происхождения, увлечения „протоязыками“ создают опасность заслонить от нас другие направления исследования, видимо, более плодотворные. Мы рискуем запутаться в массе гипотез, которые нельзя проверить...: необходимо спросить себя, не пришло ли время самым последовательным образом воспользоваться методами ареальной лингвистики» (с. 503). Примерами реализации этого подхода по служат перепечатанные в сборнике статьи Г. Фогта, посвященные связям картвельских языков с армянским как в аспекте бросающихся в глаза структурных параллелизмов в их развитии, так и в аспекте отдельных разделяемых ими материальных общностей. Используемая автором методика исследования последних достаточно эффективна (в частности, оправдал себя на практике его тезис, согласно которому наличие в грузинском по армянскому литературным языкам общих лексем при их едином значении нередко указывает на их происхождение из третьего источника). Дальнейшие исследования этого плана, несмотря на внушительные достижения предшествовавшей традиции (ср. работы Н. Я. Марра, А. Г. Шанидзе, Р. А. Ачарьяна, И. В. Абуладзе и др.), по-прежнему составляют весьма перспективную область кавказской ареальной лингвистики. Должна быть естественной, вместе с тем, и асторожность, с которой автор подходит к каузальному истолкованию конкретных конвергентных явлений, характеризующих автохтонные и неавтохтонные языки Кавказа. В этом отношении весьма показательна его работа, посвященная рассмотрению стимулов конвергентного развития фонологической и грамматической структуры грузинского, армянского и осетинского языков (с. 177—190).

Конечно, далеко не все положения Г. Фогта, высказывавшиеся им в разновременных публикациях, отражают со-

временное состояние науки (следует к тому же учитывать, что будучи не только кавказоведом, но и лингвистом-теоретиком, баскологом, американистом, а также исследователем проблем норвежской фонологии, он не всегда находил возможность возвращаться к однажды уже затрагивавшимся им вопросам). Ср., в частности, отнесение им эпохи дифференциации общекартвельского состояния к промежутку времени между VII—IV вв. до н. э. (ср. с. 175—176 и 467), довольно неожиданную в свете его же мнения о глубокой хронологии некоторых фонетических процессов, происходивших уже в исторически засвидетельствованных картвельских языках, высказывавшегося в других его работах (см., например, с. 119—120). Весьма дискуссионными представляются и некоторые из предлагавшихся им этимологических решений. Среди последних можно упомянуть его мысль о вероятной зависимости армянского обозначения ореха от груз. *nigoz* «грецкий орех» (с. 124) (ср. в этой связи [3]), попытку выведения на с. 128 арм. *ciran* «абрикос» из грузинского источника (ср. [4, с. 53—54]) или трактовку на с. 517 общекартвельского **asul* «дочь» как именного производного от глагола, представленного древнегрузинской словоформой *esua* «он имел» (об объекте класса человека).

Однако во много раз существеннее то, что неизбежные в практике каждого исследователя издержки с избытком возмещаются фактически насыщенным и методически поучительным содержанием сборника. Оно в полной мере раскрывает умение автора видеть реальные проблемы предмета исследования, способность по достоинству оценить новое в науке (ср. также [5]) по активно подключаться к его дальнейшему развитию, а также умение корректно полемизировать со своими оппонентами.

С содержанием обоих томов рецензируемого издания гармонирует и их внешняя сторона (досадно лишь, что во втором томе не выправлены некоторые опечатки, сохранившиеся со времени первой публикации статей). Не приходится сомневаться в том, что предпринятая Э. Ховдхаугеном и Фр. Тордарсоном публикация вносит свой положительный вклад в науку и послужит заметным стимулом к дальнейшему развитию зарубежного кавказоведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Vogt H.* Esquisse d'une grammaire de georgien modern // NTS. 1938. Bd IX.
2. *Vogt H.* Grammaire de la langue georgienne. Oslo, 1971.

3. Эдельман Д. И., Климов Г. А. Из истории одной древнепереднеазиатской лексической изоглоссы // Ирано-афразийские языковые контакты. М., 1987.
4. Мачавариани Г. И. Общекартвельская консонантная система. Тбилиси. 1965 (на груз. яз.).
5. Фогт Г. // ВЯ. 1966. № 6. Реч. на кн.: Гамкрелидзе Т. В., Мачавариани Г. И. Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Тбилиси, 1965.

Климов Г. А.

Разновидности юродской устной речи/Отв. ред. Шмелев Д. Н., Земская Е. А. М.: Наука, 1988. 260 с.

Рецензируемая книга продолжает цикл исследований, посвященных изучению живого языка современного русского города. Теоретические основы этого научного направления в советском языкознании были разработаны Е. А. Земской в конце 60-х гг. [1], основные результаты исследований представлены в коллективных монографиях о литературной разговорной речи [2–5], в сборнике статей о городском просторечии [6], а также в целом ряде книг и статей авторов указанных монографий [7] и др.

Обсуждаемый сборник открывает дальнейшие перспективы исследований этого цикла, в нем осуществлен новый подход к вычлениению объекта изучения: если в предшествующих работах предмет исследования определялся социальными характеристиками говорящего субъекта, то здесь он избирается по иному признаку — с точки зрения формы речи (устная речь). Эти перспективы обстоятельно характеризуются Е. А. Земской во вступительной статье сборника — «Городская устная речь и задачи ее изучения» (с. 5–44). Автор анализирует целый ряд явлений, предопределяющих основные особенности устной речи: ее неподготовленность как важнейший признак, характер и вид коммуникаций, взаимоотношения говорящего субъекта и адресата речи, невербальные компоненты коммуникации, коммуникативные намерения говорящего, жанры речи.

Четкость выделения, дифференциации и противопоставления объекта исследования придает большую объяснительную силу теоретическим решениям Е. А. Земской, обуславливая вместе с тем их полемическую заостренность и бескомпромиссность. Вспомним, например, широко известное противопоставление разговорной речи (РР) как особой языковой системы кодифицированному литературному языку (КЛЯ) (см. [2, с. 5–25]). В обсуждаемой статье автор не отступает от своих теоретических принципов и приемов исследования, но поле его наблюдений становится более обширным, охватывающим как КЛЯ, так и РР и просторечие. Это

обуславливает интерес исследователя не только к дифференциальным, но и к интегральным признакам — к тем «переходным мостам», которые объединяют противопоставленные разновидности устной и письменной речи.

Так, характеризую особенности свободного тематического развития текста (закон ассоциативного присоединения), автор дает весьма выразительное сопоставление примеров из РР и диалога из «Дней Турбиных» М. Булгакова (с. 25–27), в анализе коммуникативных намерений говорящего рассматриваются материалы как собственно РР, так и КЛЯ (с. 30–39), в определении жанров речи привлекаются понятия и признаки устного и письменного текста (с. 39–43). Такой подход позволил обнаружить целый ряд текстообразующих закономерностей и сформулировать общий вывод о типологических особенностях (универсалиях и фреквенталиях) разговорной речи русского и других языков (с. 43–44).

Языковой статус устной русской речи, ее типы и разновидности, их взаимосвязь и соотношение явились предметом квантитативно-типологического исследования А. Ф. Журавлева (с. 84–150). В качестве объекта анализа здесь выделены следующие типы речи: устная публичная речь, разговорная речь (РР), просторечие, диалектная речь; кроме того, в каждом из этих типов рассматривается два различных вида устной речи: монолог и диалог. Изучение разновидностей устной речи было проведено в сопоставлении с письменной речью, представленной тремя разновидностями: научный стиль, официально-деловой стиль, беллетристика. Для исследования было отобрано 39 текстов — фрагментов письменных сочинений и расшифровок магнитофонных записей устной речи, объединенных в 11 названных групп (три стиля письменной речи и восемь разновидностей устной речи).

Индексы, с помощью которых оцениваются выбранные тексты, представляют собой отношение отмеченного в тексте числа каких-либо единиц либо к его